

В. В. ШУЛЬГИН

1920 г. Очерки

<Фрагменты>

Взгляд и нечто

Комната в посольстве...¹ Роскошный ковер на всю комнату. Красивый стол, мрамор с золотом... камин.

У камина нас двое. Один бегают по комнате, я лежу в кресле. Он говорит:

— Да... и с этой точки зрения... поймите меня... я хочу, чтобы вы меня поняли... что?

— Ничего... я вас слушаю...

— Мне показалось, что вы не согласны... Моя мысль до вас не доходит... то, что вы говорите, неважно... неинтересно... А меж тем именно вы были правы...

— Когда?

— Тогда... когда вы приехали от большевиков... в июле, в Севастополь...

— Что я говорил?..

— Вы говорили... это очень трудно формулировать... вы указали... вы рассказали... что под этой... корой... этой оболочкой советской власти... совершается процесс... процессы стихийные... огромной важности... ничего не имеющие общего... с ней... с корой... с властью... с большевизмом. Процессы, которые у нас не поняли... к которым мы даже... не присматривались...

— Конкретнее!

— Конкретнее?... конкретнее — я теперь знаю... Для меня не может быть сомнений... У меня есть свидетельские показания... которым я не могу не верить... Я знаю, что война с Польшей вызвала движение, национальное движение... подъем...

— Подъем — это слишком сильно сказано. Раскол в душе многих — да... Брусиловское воззвание² произвело некоторое впечатле-

ние. Оно было написано старым языком и в силу этого действовало на нервы... «За Русскую Землю» — это было уже так много.

— Нет... в Москве было больше... Был подъем... во всяком случае, было изменение психологии... Было... быть может, первое признание совпадения путей... и мы... мы этого... недооценили... что?.. вы согласны со мной?..

— Да... пожалуй... Но разве вы не замечали, что давно уже — давно уже наши идеи перескочили через фронт.

Против воли моей...
Против воли моей...³

Знаете этот романс или стих, ну что-то в этом роде? Он сказал ей: «Не надо, не нужно, не должно...». Мы поставим препятствия и сделаем все, чтобы этого не было. Но если «против воли моей, против воли твоей» это будет, значит, «так в высшем решено Совете...». Я говорю вздор, но все-таки это имеет отношение к делу... «Против воли моей, против воли твоей» наши идеи перескочили через фронт... И это так было. Прежде всего, мы научили их, какая должна быть армия. Когда ничтожная горсточка Корнилова⁴, Алексеева⁵ и Деникина была их орды, — была потому, что она была организована на правильных началах — без «комитетов», без «сознательной дисциплины», т.е. организована «по белому», — они поняли... Они поняли, что армия должна быть армией... И они *восстановили армию*⁶... Это первое... Конечно, они думают, что они создали социалистическую армию, которая дерется «во имя Интернационала», — но это вздор. Им только так кажется. На самом деле они восстановили русскую армию... И это наша заслуга... Мы сыграли роль шведов...⁷ Ленин мог бы пить «здоровье учителей»⁸, эти учителя — мы... И это первая наша великая заслуга... Злые силы, разрушившие русскую армию в 1917 г., мы заставили со всей энергией, на которую они способны (а ведь они самая волевая накипь нации), мы заставили работать *по нашим*⁹ предначертаниям на воссоздание *нашей*¹⁰ русской армии... Мы учили их не рассказом, а «показом»... Мы били их до тех пор, пока они не выучились драться... И к концу вообще всего революционного процесса Россия, потерявшая в 1917 г. свою старую армию, будет иметь новую, столь же могущественную... Дальше... Наш главный, наш действенный лозунг — Единая Россия... Когда ушел Деникин¹¹, мы его не то, чтобы потеряли, но куда-то на время спрятали... мы свернули знамя... А кто поднял его, кто развернул знамя? Как это ни дико, но это так... Знамя Единой России фактически подняли большевики. Конечно, они этого не говорят... Конечно, Ленин

и Троцкий продолжают трубить Интернационал. И будто бы «коммунистическая» армия сражалась за насаждение «советских республик». Но это только так сверху... На самом деле их армия была поляков как поляков. И именно за то, что они отхватили чисто русские области. И даже если этого настроения не было... Все равно... все равно...

— Я с вами совершенно согласен... это ясно... фактически Интернационал оказался орудием... расширения территории... для власти, сидящей в Москве... До границ... до границ, где начинается действительное сопротивление других государственных организмов, в достаточной степени крепких. Это и будут естественные границы будущей... Российской Державы.

— Ну, конечно... Социализм смоеется, но границы останутся... Будут ли границы 1914¹² года или несколько иные, — это другой вопрос. Во всяком случае, нельзя не видеть, что русский язык во славу Интернационала опять занял шестую часть суши. Сила событий сильнее самой сильной воли... Ленин предполагает, а объективные условия, созданные Богом как территория и душевный уклад народа, «располагают»... И теперь очевидно стало, что то, кто сидит в Москве, безразлично, кто это¹³, будет ли это Ульянов или Романов (простите, это гнусное сопоставление), принужден, «мусит», как говорят хохлы, делать дело Иоанна Калиты¹⁴. «Мусит» собирать воедино русские земли. «Против воли моей, против воли твоей...»

И это два... А третье, что они у нас взяли, — это принцип единоличной власти. Они твердили о диктатуре пролетариата на Большом Московском Совецании в августе 1917 года¹⁵. А мы говорили: «Вздор... Управление выборным коллективом в условиях войны и революции — «вздор...». И вышло по-нашему... Обе половинки России — Северная и Южная — отвергли коллектив, и перешли — Южная — к единоличной диктатуре генералов... а Северная — к «двуличной» диктатуре двух дворян: одного симбирского¹⁶, а другого иерусалимского...¹⁷ Чтобы не надоедать вам, я кончаю... Резюме. «Против воли моей, против воли твоей» — большевики:

1) восстанавливают военное могущество России;

2) восстанавливают границы Российской Державы до ее естественных пределов;

3) готовят пришествие Самодержца Всероссийского.

— Разве вы не конституционный монархист?..

— Если хотите, — да... Десять лет Государственной Думы — меня испортили... Пожалуй, мне хотелось бы, чтобы была конституционная монархия. Но надо различать... желание от возможного... Мне кажется, что желанное невозможно... После всего, что произошло,

конституционная монархия вряд ли мыслима... По крайней мере, в течение ряда лет, и, главным образом, вследствие причин экономических... Чтобы выйти из положения, придется каждые полчаса подписывать героические решения... А ведь вы знаете, что русский парламент героических... ответственных... безумно смелых... решений принимать не может... Вы знаете... Где соберутся три немца, — там они поют квартет... Но где соберутся четыре русских, там они основывают пять политических партий... Поэтому и в русской действительности героические решения может принимать только один человек...

— Это будет Ленин?.. или Троцкий?..

— Нет... ибо он не будет ни психопатом, ни мошенником, ни социалистом... На этих господах висят несбрасываемые гири... их багаж, их вериги... — социализм... они не могут отказаться от социализма... они ведь при помощи социализма перевернули старое и схватили власть. Они должны нести этот мешок на спине до конца... и он их раздавит... Тогда придет Некто, кто возьмет от них их «декретность»... Их решимость — принимать на свою ответственность, принимать невероятные решения. Их жестокость — проведения однажды решенного. «Это нужно — значит это возможно» — девиз Троцкого... Но он не возьмет от них их мешка. Он будет истинно красным по волевой силе и истинно белым по задачам, им преследуемым. Он будет большевик по энергии и националист по убеждениям. У него нижняя челюсть одинокого вепря... И «человеческие глаза». И лоб мыслителя... Комбинация трудная — я знаю... Я помню, Маклаков¹⁸ часто рассказывал про Ключевского¹⁹, как он говорил:

«Конечно, абсолютная монархия есть самая совершенная форма правления... если бы... если бы не случайности рождения...» Да, это так... и все, что сейчас происходит, весь этот ужас, который сейчас навис над Россией, — это только страшные, трудные, ужасно мучительные...

— Что?..

— Роды...

— Роды?!

— Да, роды... Роды Самодержца... Легко ли родить истинного Самодержца и еще Всероссийского!..

Новогодняя ночь

Я уснул у трубы. У трубы тепло, неудобно немножко, но, ведь, там всюду — не у трубы — так холодно. Ведь сегодня 31 декабря²⁰. Ночь на палубе не так приятна в это время года... даже на Босфоре...

<...>

Я провел там неделю, в Галлиполийском лагере... Меня очень спрашивали:

— Что же будет теперь?

Они старались, чем могли, скрасить свое существование. Издавали журнал рукописный на машинке, в одном или двух экземплярах. Текст сопровождался иллюстрациями карандашом и красками. Инициаторами этого дела были полковник Х. и ротмистр Ч.

Я ответил на то, что от меня хотели, статьей...

Эта статья появилась в этом своеобразном журнале, который носил название: «Развей горе в голом поле...».

* * *

Еду обратно в Константинополь. Лежу где-то в трюме на грязных канатах. По-французски — *parfait*, по-русски — «наплевать»...

Откровенно говоря, я очень доволен, что, наконец, один. «Самое большое лишение каторги, — говорит Достоевский, — это отсутствие одиночества». Я так устал... И вот теперь наслаждаюсь... валяюсь на канатах.

<...>

И мысли снова бегут... Мне вспоминалось...

* * *

Долина. Вдоль речки-ручья выстроились белые домики. Я знаю, что это палатки. Но издали они кажутся домиками. Они стоят аккуратненькими кварталами и кажутся городом. Вот по ту сторону реки — Корниловцы, Марковцы, Дроздовцы, Алексеевцы... По эту — кавалерия...

Все это появилось здесь, среди совершенно пустынных гор, словно по волшебству... Этот сказочно-игрушечный город — это есть итог... Итог трехлетних страданий, борьбы, пламенной Веры, неугасимой Надежды, неисчерпаемой Любви...

Любви к России...

* * *

Что же это — много или мало? Рыдать ли, или благословлять и благодарно молиться? Смерть ли Старого или рождение Нового — этот белый городок?

* * *

И то и другое...

* * *

Здесь умирает наш Старый Грех... Здесь нет места ни Серым, ни Грязным... Их мало пришло сюда... Они остались где-то... А те, что еще есть, — уйдут...

Здесь умирает наш старый грех: Серость и Грязь...

* * *

Здесь рождается Новое.

Здесь рождается Белый Городок, где в белых домиках будут только настоящие белые — белоснежные...

* * *

Много ли это или мало? Что же, это «большой итог»?..

* * *

Большой...

* * *

Эта горсть в течение трех лет смогла бороться одновременно на три фронта. Красные засыпали ее снарядами... Серые своим тупым равнодушием создавали вокруг нее вязкую гущу, сковывающую движения... Грязные грязью залепливали глаза, уши, рот... И все же эта горсточка белых не дала себя сломить, не дала задушить себя, не позволила себя загрязнить...

Вот они здесь...

Их мало, но они белые...

Они белые, как и прежде... Они белее прежнего.
И это — много...
Этот итог не только большой, это итог величавый.

* * *

Это горсточка белых, эта новая столица на берегах безыменной речки, этот белый город — он уже или победил, или победит...

* * *

Он уже победил в том случае, если России суждено возродиться...
через Безумие Красных...

* * *

Скажут, что это вздор.
Нет, это не вздор — это так.

* * *

Вы никогда не замечали, что сыпной тиф и Белая Мысль свободно и невозбранно переходят через фронт?

* * *

Странно, как вы этого не заметили. Вы говорите: «сыпной тиф — да, но наши идеи — ничего подобного».

* * *

А я вам говорю, что наши идеи перескочили к Красным раньше, чем их эпидемия к нам. Разве вы не помните, какова была Красная армия, когда три года тому назад генерал Алексеев положил начало

нашей? Комитеты, митинги, сознательная дисциплина — всякий вздор. А теперь, когда мы уходили из Крыма? Вы хорошо знаете, что теперь это была армия, построенная так же, как армии всего мира... как наша...

Кто же их научил? Мы выучили их, — мы, Белые. Мы били их о тех пор, пока выбили всю военно-революционную дурь из их голов. Наши идеи, перебежав через фронт, покорили их сознание.

Белая Мысль победила, и, победив, создала Красную Армию...
Невероятно, но факт...

* * *

Но отчего, скажут, мы все-таки в Галлиполи, а не в Москве?

Почему мы не воспользовались тем временем, когда Красные в военном отношении еще не мыслили «по белому» и потому были бессильны?

Потому что нас одолели Серые и Грязные... Первые — прятались и бездельничали, вторые — крали, грабили и убивали не во имя тяжкого долга, а собственного ради садистского, извращенного грязно-кровавого удовольствия...

* * *

Но ведь Красная Армия под своим красным знаменем работает ради «Интернационала», т.е. работает для распространения по всему миру Красного Безумия?

* * *

Это или так или не так...

* * *

Допустим первое. Допустим, что это так. В таком случае мы еще с ними скрестим оружие. Белая Армия (наша русская) в союзе с другими белыми армиями будет вести бой, чтобы сломить, чтобы уничтожить Красное Безумие...

* * *

Допустим и второе... Допустим, что это не так... Допустим, что им, красным, только *кажется*²¹, что они сражаются во славу «Интернационала»... На самом же деле, хотя и *бессознательно*²², они льют кровь только для того, чтобы восстановить «Богохранимую Державу Российскую»... Они своими красными армиями (сделанными «по белому») движутся во все стороны только до тех пор, пока не дойдут до твердых пределов, где начинается крепкое сопротивление других государственных организмов... Это и будут естественные границы Будущей России... Интернационал «смоется», а границы останутся...

* * *

Если так, то что это такое?..

* * *

Это то же самое... *Если это так*²³, то это значит, что Белая Мысль, прокравшись через фронт, покорила их подсознание... Мы заставили их красными руками делать Белое дело...

Мы победили...

Белая Мысль победила...

* * *

Но, боже мой. Ведь они уничтожили, разорили страну... Люди гибнут миллионами, потому что они продолжают свои проклятые, бесовские опыты социалистические. Сатанинскую Вивисекцию над несчастным русским телом...

Это что же значит?

* * *

Это значит, что на этом направлении Белая Мысль еще не победила.

Еще не пришло время... И люди гибнут, и Всеобщая, Явная, Равная, Прямая Нищета носится над Свято-Грешной Русской землей, замечая свой след проклятиями и слезами.

Чтобы сократить страдания своих братьев, Белая Армия три года без счета лила свою кровь. Она думала, она надеялась, что Белое Оружие работает скорее и вернее, чем Белая Мысль.

И если будет на то Господня Воля, мы еще раз бросимся в бой...
На помощь погибающим...

* * *

Во всяком случае, Белый Городок — новая русская столица над безыменной речкой среди пустынных гор — может встретить Новый Год с ясной душой...

Если Белые *еще*²⁴ не победили, их рано или поздно поведут в бой...
А если их не поведут, то, значит, они уже победили...

Значит, в стане Красных уже настолько окрепла Белая Мысль, что восстановление России придет через Красное Бессмыслие...

* * *

Белая Мысль победит во всяком случае...

* * *

Так было — так будет...

